

продолжено в Коммуне им. А. С. Макаренко (КИМ), где успешно трудились студенты и преподаватели ЛГПИ им. А. И. Герцена.

Центром студенческого творчества в институте долгое время, начиная с 1945 г., был Педагогический клуб, в работе которого принимали самое активное участие все сотрудники кафедры педагогики. Руководителями педагогического клуба института в разное время были Е. О. Зейлигер-Рубинштейн, Э. Р. Зуссер, К. Д. Радина, Т. В. Ханутина, Т. К. Ахаян, Т. Н. Мальковская, М. И. Любицына, Ю. М. Лазуркина, Н. С. Зенченко.

Прогрессивной формой явилась работа дискуссионного клуба по вопросам педагогики, издание общеинститутской газеты, редактором которой долгое время была Т. К. Ахаян. На страницах газеты «Известия» публиковались статьи преподавателей кафедры педагогики Л. А. Лялина, Д. И. Сафронова, Т. Н. Мальковской, Р. М. Напалковой: они включились в дискуссию о сложностях подготовки будущих учителей, насущных проблемах воспитания в педагогическом вузе.

Кафедру создавали люди своим трудом, человеческими отношениями, оптимизмом. Как сказала в день своего 75-летия Ангелина Константиновна Громцева: «Учитель должен быть веселым человеком». Мудрыми, веселыми, преданными своему делу и своей стране были преподаватели и сотрудники кафедры педагогики. Эти традиции мы чтим и всемерно продолжаем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки истории кафедры педагогики / Авт.-сост. Е. М. Колосова, Н. М. Федорова. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2006.

*Т. Г. Фруменкова,
доцент кафедры русской истории*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕТРОГРАДСКОГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА В МАРТЕ—ОКТЯБРЕ 1917 г.

После февральской революции 1917 г. в Петроградском доме возникли проблемы со снабжением продуктами. 16 марта приказом и. д. директора главного врача И. А. Климова устанавливалось усиленное дежурство по кухне. В состав дежурных входили фельдшерница, служительница, кормилица и работник. Очередь таких дежурств должны были вести «делегаты, выбранные от каждой группы». В конце марта приказами И. А. Климова был ужесточен контроль над «числом лиц, состоящих на продовольственном довольствии». Главные надзиратели всех отделений, которые представляли в экспедицию приема детей рапортички о количестве таких рабочих и служащих, должны были «на обороте рапортичек показывать поименно о всех убывающих и прибывающих». Представлять эти списки полагалось не позднее 9 часов утра следующего дня.

31 марта в виду установленной Центральным продовольственным комитетом нормы выдачи хлеба «по одному фунту на человека, а рабочим, занимающимся физическим трудом, по 1½ фунта» в Петроградском доме был установлен особый порядок его раздачи. Всем «служительницам, безместным питомцам и рабочим» полагалось «ежедневно выдавать из хлеборезни дома по 1 фунту утром на целый день». От каждой группы полагалось выбрать «приемщика, снабженного записками о числе лиц, имеющих право на получение хлеба за подписью надзирательниц отделений или вахтера». Служительницам,

требующим «усиленного питания», выдавалось ежедневно по 2 фунта хлеба по ½ фунта за 4 раза — «утром к чаю», в обед, «днем к чаю» и «за ужином». Хлеб заранее нарезали полуфунтовыми порциями. Выдавать его должны были «служительницы при столовой» из корзин в то время, когда «кормилицы займут места за столами в том же порядке, как это делается при выдаче пищи». Из отделений кормилицы направлялись в столовую в сопровождении служительниц с заверенными документами, подтверждающими их численность.

В «лазарете женской прислуги» предписано было отпускать хлеб на фактическое число больных. По мнению И. А. Климова, «при введении такого порядка значительно сократится... небережливый расход хлеба. Принимая же во внимание, что хлеб отпускается по норме на единицу, опасение о недостатке хлеба, отпускаемого по карточкам на число довольствующих лиц в доме, отпадает». Наблюдение за исполнением правил возлагалось на эконома с помощником и надзирательницу столовой.

10 мая хозяйственный комитет Петроградского дома заслушал протокол собрания кормилиц, младшего и среднего персонала служащих дома от 7 мая и присоединился к некоторым его положениям. Было решено отпускать все продукты «как на 1-й, так и на 2-й стол по точному распределению на каждое довольствуемое лицо», а отпуск обедов и ужинов «по запискам высшему и среднему персоналу» прекратить, так как «для этой категории лиц продуктов... не отпускается». Расходы «на отпускаемые по запискам г. главного врача добавочно к обеду на усиленное питание молоко и яйца» предложено было «относить на медицинский кредит, а не на пищевой». 19 мая об этом было объявлено в воспитательном доме.

Недостаток продовольствия приводил к конфликтам. 9 июня хозяйственный комитет назначил дежурных по кухне — по одной от фельдшерниц и служительниц «для наблюдения за выдачей продуктов из кладовой и за соблюдением порядка при раздаче пищи». В недоразумениях должны были разбираться дежурные члены комитета. Список их фамилий вывешивался на видном месте. В условиях нехватки продуктов остро воспринимались их порча по халатности служащих, а также попадание некачественной еды на стол. 25 августа правление заслушало доклад и. д. директора о том, что часть закупленного парного мяса, лежащего в леднике, «подверглась порче... и была выброшена», а в грибном соусе, поданном дежурному врачу А. В. Поповой, обнаружены были мелкие белые грибные черви», и объявило эконому дома «за недосмотр выговор»¹.

Летом 1917 г. в Петроградском доме был образован «Открытый кооператив служащих». Его председателем был К. Г. Доппельмайер, с 5 мая 1917 — помощник директора, ставший и председателем правления дома. 27 июля управляющий Министерством государственного призрения А. А. Барышников, «идя навстречу служащим министерства... в вопросе получения предметов первой необходимости» попросил чиновника «озаботиться приобретением... продуктов... для удовлетворения нужд всех служащих, вступивших в кооператив... Позволяю рассчитывать, что полезность возникшего кооператива вызовет... полное содействие со стороны учреждений и лиц, ведающих снабжением населения продуктами»².

10 августа заведующие хозяйственной частью закрытых заведений были приглашены в министерство на «совещание по вопросу об обеспечении продовольствием». «В виду создавшегося затруднительного положения Петрограда в продовольственном отношении, вызывающего большие осложнения в деле прокормления воспитывающихся закрытых учебных заведений, а равно и в виду различного рода других неблагоприятных обстоятельств, связанных с переживаемым временем»³, начало занятий было отсрочено

до 1 октября, что распространялось на училище нянь и Мариинскую учительскую семинарию воспитательного дома.

Наконец, 15 сентября в министерстве был организован «продовольственный комитет с состоящим при нем продовольственным отделом» под председательством того же К. Г. Доппельмайера. Первый подписанный им документ утверждал: «На попечении министерства... находятся младенцы, больные и призреваемые в числе нескольких десятков тысяч человек. Благосостояние и жизнь их всецело зависит от министерства, заменяющего им родителей... Острый экономический кризис создал большие затруднения при выполнении этой последней задачи, особенно на пути осуществления ее силами отдельных... учреждений». Потребовалось создание координирующего органа, которому «необходимо иметь право свободной закупки как пищевых продуктов, так и различных материалов для хозяйственных надобностей по возможности из первых рук во всех местностях России, право беспрепятственного получения нарядов на вагоны в первую очередь и в случае надобности на военную охрану грузов, а также располагать сведениями, где и от кого представляется возможность приобрести необходимые продукты и товары по наиболее выгодным ценам». Министерство выражало уверенность в «полном содействии со стороны всех инстанций и лиц». В то же время, председатель комитета понимал, что осуществление этих задач, особенно «в первое время, труднодостижимо, и до тех пор, пока продовольственный комитет не будет в состоянии вполне развить свою деятельность и занять место, которое позволило бы преобразовать его в орган, подобный интендантству военного ведомства, отдельным учреждениям не следует порывать связь с продовольственными организациями, чтобы не стать в безысходное положение»⁴. О наличии товарных запасов комитет обещал извещать учреждения ведомства. 20 октября К. Г. Доппельмайер, почти 14 лет прослуживший в Витебске, был командирован в этот город «по делам продовольственного комитета»⁵.

Воспитательному дому в 1917 г. не хватало и средств на приобретение продуктов и материалов, на содержание служащих и питомцев разных категорий. 17 января 1917 г. Петроградская николаевская детская больница Мариинского ведомства попросила отпустить ей 854 руб. 19 коп. «в дополнительное пособие на пищевое довольствие прислуги из питомцев ...воспитательного дома» (такая прислуга имела во всех столичных заведениях ведомства). С аналогичными ходатайствами тогда же обратились к начальству руководители петроградских женских институтов — Сиротского, Мариинского, Патриотического и Елизаветинского. С их предложениями согласилась сметная комиссия ведомства, но до революции этот вопрос не был разрешен. После смены власти контроль ведомства не нашел препятствий к отпуску дополнительных средств. 5 апреля Опекунский совет утвердил заключение сметной комиссии об отпуске дополнительных кредитов на сумму 6120 руб. 45 коп. «на пищевое довольствие прислуги из питомцев ...дома». В мае это положение распространили на Елизаветинскую клиническую больницу для малолетних детей. Ее главный врач сообщил, что «вследствие дороговизны» с марта расходует на пищу 82 слугам по 50 коп. в день на человека. Как и прочим, ему приказано было ограничиться 46 коп.⁶

11 августа в главное управление поступило прошение от администрации Александринского сиротского женского профессионального училища. В нем сообщалось, что до 1 августа «казенные служительницы училища» (та же прислуга из воспитанниц) состояли в артели Николаевского сиротского института: «Ныне институт прекратил довольствие в артели служительниц училища, и оно принуждено было кормить их из общей кухни за плату 57, 5 коп.». Организовать «питание артелью» в училище не представлялось возможным, потому что штаты служительниц были заполнены не до конца, для пригото-

ния еды нужна была прислуга и помещение, что вызывало дополнительный расход, да и на 46 коп., по мнению руководителей училища, «не прокормиться». В результате служительницам приходилось доплачивать за обеды. 10 сентября последовала резолюция «Нет оснований к удовлетворению ходатайства»⁷.

15 мая в главное управление было направлено «весьма срочное» представление из Петроградского дома. Его авторы напоминали, что по положениям 1908 г. и 1911 г. дом получал ежегодно на содержание 15 летних яслей в округах 7500 руб. В 1916 г. в виду дороговизны на 2 месяца денег не хватило, и совет дал еще 7500 руб. За это время выросли цены, и в 1916 г. дополнительных субсидий хватило только потому, что «вследствие эпидемий в некоторых деревнях не все ясли работали непрерывно». К тому же, в яслях не было сахара, масла, муки и мяса из-за отсутствия продуктов на рынке или нехватки средств (их отпускали в расчете по 30 коп. в день на ребенка), не пополнялся комплект белья и дров, не хватало нянек, наконец, «дети были совершенно лишены игрушек». В наступающем летнем сезоне «продовольственный вопрос обострился. В некоторых деревнях ни за какие деньги уже не добыть теперь ни сахара, ни муки, а... молоко, картофель, яйца, иногда мясо настолько поднялись в цене», что по норме прошлого года придется ограничиться бутылкой молока, которая стоит 25 коп. Выплаты на ребенка должны были быть не менее 70 коп. в день». «Переполнение деревень беженцами, войсками, ранеными и военнопленными сделало то, что крестьяне подняли вдвое и даже втрое стоимость оставшихся у них свободными помещений, а девушки, свободно ныне зарабатывающие у себя дома 25—30 руб. за месяц, отказываются идти на службу няньками» меньше чем за 25 руб. в месяц. Следовало увеличить жалованье надзирательницам, выросла стоимость освещения и керосина для кипячения молока, увеличились расходы на мыло и стирку, требовались деньги на игрушки, белье и инвентарь. На один приют с 30 воспитанниками дом предполагал получить 1900 руб., а на 15 — 28500, то есть на 13500 руб. больше, чем в 1916 г. «Совет делегатов, управляющий воспитательным домом», нашел, что «ясли текущим летом особенно нужны». На селе в 1917 г. остались только старики, «убогие» и женщины, и «положение детей в деревнях в страдную пору... будет особенно тягостно», так как они «останутся совершенно без присмотра и будут как никогда подвергаться несчастным случайностям и заболеваниям». И. А. Климов поддержал просьбу совета, но контролю ведомства требуемая сумма показалась преувеличенной.

16 июня на съезде окружных врачей и надзирателей округов все «делегаты высказались за невозможность кормить детей на 57 коп. и за необходимость принять детей и крестьян-воспитателей». Окружные агенты просили открыть ясли на 2 месяца, до 1 сентября. Совет дома «по срочности решил открыть ясли пока с 1 июля на полтора месяца, но ходатайствовал о 2 месяцах. Лишь 9 августа из контроля ведомства поступило известие: «В виду приведенных ... данных о... ценах на пищевые продукты к увеличению... до 70 коп. (на ребенка. — Т. Ф.)...препятствий не встречается». Количество детей оказалось больше запланированного — 497 вместо 450, и соответственно, возросла численность прислуги. На полтора месяца работы яслей потребовалось еще 23839 руб., которые обещали отпустить в текущем году»⁸.

31 мая инспектор Мариинской учительской семинарии в Павловске ходатайствовал об увеличении «пищевого довольствия для воспитанников... до 75 коп. в день на лицо», так как прокормить их по существующей норме не представлялось возможным. К прошению он приложил расчет стоимости питания 60 юношей при условии, что каждая неделя будет включать 3 мучных, 2 мясных и 2 рыбных дня. В середине 1917 г. на одного воспитанника отпускали по 52 коп. Этого хватало только на «мучной стол», а «кормить

воспитанников исключительно одним мучным столом совершенно недопустимо». Инспектора поддержал совет воспитательного дома. Контроль Мариинского ведомства признал просьбу «подлежащей удовлетворению»⁹.

С 1 мая 1917 г. по постановлению Особого совещания была увеличена плата за содержание питомцев в сельских округах Московского воспитательного дома. За детей от 1 года до 3 лет стали платить 120 руб. в год, а от 3 до 6 лет — 144 руб. в год. В связи с этим на август 1917 г. правление Московского дома потребовало дополнительного ассигнования 620000 руб. и получило разрешение на это главного управления¹⁰.

24 августа правление Петроградского дома «в виду чрезмерного вздорожания жизни ... и отказа деревенских воспитателей от принятия к себе на воспитание грудных детей, а также сдачи имеющихся у них на воспитании питомцев в окружные управления по крайне малым размерам производимой в настоящее время платы: от 1 года до 3 лет — 72 руб., от 3 лет до 10 лет — 60 руб. в год, от 10 лет до 15 лет — 36 руб. в год» предложило увеличить плату до размеров, уже введенных в Москве. Дополнительные расходы должны были составить 934344 руб. в год. Признавалось необходимым по примеру Москвы увеличить плату за содержание питомцев школьного возраста дополнительно до 24 руб. в год за 5 лет обучения питомца в школе, на что потребовалось бы еще 30000 руб. в год. На письме имеется несколько резолюций. В частности: «Доложено г. министру. Полагал бы необходимым провести эту меру в срочном порядке во избежание наплыва безместных детей. 28. 08. 1917» и «Возможно допустить в качестве переходной меры».

Предложение руководителей Петроградского дома также было передано Особому совещанию при министре государственного призрения. Его участники заявили, что увеличение норм оплаты «не могло бы разрешить в полной мере вопроса о призрении питомцев в сельских округах. ... Было бы более соответствующим предоставить питомцам призрение в особых детских приютах, подобно тому, как это уже ныне осуществляется Валдайским приютом». Впрочем, чиновники понимали, что создать такие приюты немедленно не представляется возможным, и с 1 сентября ввели предлагаемые нормы оплаты сельским воспитателям.

Тем не менее 11 сентября и. д. директора сообщал начальству, что воспитательный дом, не имея «возможности за неприбытием из округов деревенских воспитателей, желающих принять к себе на воспитание детей из грудных отделений, возраст которых требует уже вспомогательного вскармливания, вынужден особо интенсивно заняться приготовлением для этих детей продуктов питания (коровьего молока и других суррогатов), кроме того, работа в приготовлении последних еще увеличивается за отсутствием в доме молочных кормилиц». Эта работа требовала специальной подготовки, и И. А. Климов предложил внести в штат дома новую должность заведующего молочной кухней с жалованием 1800 руб. в год «при казенной квартире и со столом натурой». Работающим на кухне 4 фельдшерицам предлагалось увеличить оклад со всеми прибавками до 125 руб. в месяц. Прошение также было передано в Особое совещание, состоявшееся 28 сентября¹¹. Очевидно, что социально-экономические проблемы привели к краху традиционной системы вскармливания и воспитания сирот.

7 июня в главное управление ведомства поступило представление о повышении с 1 января 1917 г. «нормы на продовольствие безместных питомцев». По смете на каждого из «безместных питомцев, временно пребывающих в сельских лазаретах и при окружных управлениях», отпускалось по 20 коп. в день. Между тем бутылка молока «стоит на месте 25 коп., а фунт хлеба 17 коп., и при существующей норме не было «никакой возможности кормить безместных не только досыта, но и впроголодь». В виду этого и. д. директора хо-

датайствовал «о повышении ... нормы ... хотя бы до 50 коп. на человека в сутки». К тому же, в смете не предусматривалось денег «на приобретение безместным одежных вещей. Воспитатели питомцев обыкновенно доставляют (их) в окружные квартиры совершенно не экипированными и без сапог и если, тем не менее, безместные более или прилично одеты, то единственно из человеколюбия гг. окружных агентов, экипирующих их на собственные средства, что вряд ли может считаться нормальным». И. А. Климов предлагал выделять на одежду одного ребенка по 25 руб. в год. В главном управлении норму для безместных решили приравнять к увеличенным нормам для прислуги — 46 коп. на человека, а с внесением в смету 1918 г. статьи расходов на экипировку согласились¹².

22 августа главное управление разрешило «продовольствовать безместных по 70 коп. как в Зимогорье (организуемой колонии), так при необходимости и в нанятых помещениях», за тех же возвращенных питомцев, которые оставались на квартире окружного надзирателя, по-прежнему выдавалось по 46 коп. В воспитательном доме посчитали, что это несправедливо. В августе 1917 г. в правление «ежедневно стали прибывать из округов заявления гг. окружных надзирателей о возвращаемых им крестьянами-воспитателями питомцев, ввиду как чересчур скудной платы, положенной на них при нынешнем тяжелом времени, так и паники вследствие близости неприятеля к Пскову. Питомцы эти прибывают в окружные управления полураздетые, без обуви, и приходится не только обути, одеть и накормить, но и давать им ночлег и помещение. Между тем, ... при округах сейчас нет ни квартиры для безместных, ибо за 300 руб. квартирных денег едва можно нанять квартиру для надзирателя с семьей, ни одежды, ни прислуги. Кормить же безместных на отпускаемые ныне для них деньги не представляется никакой возможности. Сейчас таких питомцев насчитывается около 100. Обсудив это заявление и находя такое положение безместных крайне критическим, правление ... постановило ходатайствовать срочным порядком перед главным управлением», чтобы окружным надзирателям предоставили право нанять помещение для размещения детей, увеличить «пищевую норму для безместных до 70 коп. в день на человека» и отпустить им «на приобретение необходимой для таких безместных одежды по 25 руб. на человека». Зимой, при наступлении холодов, возвращение детей в окружные управления могло значительно возрасти. Окружные надзиратели просили указаний, как «дальше быть и что делать с питомцами». По их мнению, выходов было три: или собрать всех детей в Петрограде, что привело бы к скученности и увеличило смертность, или содержать их в сельских лазаретах, что вызвало бы рост заболеваемости здоровых, или «устраивать таких детей в особых колониях наподобие тех, о которых уже не раз подымался вопрос в делегатских совещаниях...», о которых упоминается в подготовленном И. А. Климовым проекте реформы воспитательных домов... и об устройстве которых он уже возбудил ходатайство». В самом затруднительном положении «в отношении безместных» находились Валдайский и Дворецкий окружные надзиратели. У каждого из них скопилось до 20 питомцев от 1 года до 8—9 лет. Летом детей разместили в яслях, но к концу лета, с закрытием яслей, они должны были «остаться без пристанища». Надзиратели просили открыть в селе Зимогорье под Валдаем колонию питомцев. К прошению прилагалась смета заведения. На 40 питомцев предполагалось затрачивать по 1457 руб. в месяц. Еще 2000 руб. одновременно следовало израсходовать на оборудование. При отрицательном ответе предлагалось устроить колонию в каких-либо яслях, так как «иначе безместным негде будет ночевать». В доме были составлены и проекты таких многофункциональных колоний примерно в том виде, в котором они и будут созданы в советский период. 19 сентября товарищ министра утвердил решение об открытии колонии¹³.

Остро стоял и вопрос о материальном положении служащих воспитательных домов.

Первыми заявили о необходимости улучшения условий жизни низшие служители учебно-воспитательных заведений. Росту их активности способствовала революционная обстановка в Петрограде. Уже 7 марта почетный опекун, управляющий хозяйственной частью Смольного и Александровского институтов, сообщил, что служащие предъявили ему «ряд пожеланий». Почетный опекун считал, что к обсуждению проблемы следовало бы привлечь «выборных представителей от служащих». К его ходатайству были приложены протоколы собраний разных категорий служащих. Представители «женской прислуги», явно малограмотные, с трудом могли сформулировать свои пожелания. Они просили о повышении жалования до 45 руб. «при готовом столе и казенной одежде». «Объ мундирование служащих выдавалось бы следующим образом, — писали женщины. — Палто через 5 и больше и бо которые и совсем не получали, а фуражки следуют ежегодно, но мы не получаем. Квартыры очень не удобные и местные и не которые не от горожены, а поставлены так, за свой счет»¹⁴.

Позднее к ним добавились новые протоколы. Трогательное прошение составили 17 «казенных девушек» (питомиц воспитательного дома), служивших в институте с получением казенного стола, одежды и жилья. Они сообщали, что их жалование в 1905 г. составляло менее 2 руб. в месяц, в 1905 — 1915 гг. — 3 руб., а с 1916 г. — 4 руб. «На это жалование мы должны купить чай, сахар, а из одежды нам не выдаются платок для головы, пальто, галоши и чулки, — сообщали служительницы. — На сапоги мы получаем ежегодно 6 руб., а в настоящее время на это содержание крайне тяжело и трудно жить». Они также попросили об улучшении пищи: «Последние два года мы получали ежедневно булку, а теперь выдача булок прекращена». «Казенные девушки» просили и об увеличении пенсии. Они писали, что за 15 лет службы их пенсия составляла 1 руб. 80 коп. в месяц, за 25 — 5 руб. 25 коп., а за 35 — 6 руб. в месяц и высказывали пожелание об облегчении помещения в богадельни: «Между нами есть много девушек, выслуживших 15, 20, 25 и 30 лет. За эти годы мы много положили сил и здоровья на службе».

На основе прошений были составлены общие требования прислуги: увеличение оклада, выплата наградных в размере жалования дважды в год, выдача задержанных выплат, оплачиваемые отпуска, выплаты на рождение и обучение детей, на похороны и по болезни, пенсии, участие выборных от служащих при увольнении одного из них. Их дополняло новое прошение казенных служительниц: «1) Описываем то что мы не имеем сапог чулок галош полотенец платков новых покрывал юбок и куцавеек сахар и чай мыло для стирки, а жалованье получаем 4 руб. 2) Просим форму и стол и 20 руб. Просим обратить внимание на нашу прозбу Девушки. 15 марта 1917 г.»¹⁵

12 мая комиссары Временного правительства участвовали в работе «межведомственного совещания для рассмотрения проектов представлений гражданских ведомств об ассигновании чрезвычайных сметных кредитов на расходы военного времени». На совещании были рассмотрены проекты главного управления о распространении правил 13 мая 1915 г. об увеличении суточных на все категории низших служащих заведений Мариинского ведомства (в действовавших правилах не был учтен ряд женских должностей, а также те служители, которые пользовались столом и квартирой)¹⁶. С необходимостью установить одинаковое суточное вознаграждение были согласны все, и постановление это будет принято в июне 1917 г. Еще в мае на воспитательные дома была распространена 75% прибавка к жалованию «младшего персонала служащих и специалистов». «Женская прислуга» стала получать не меньше 8 руб. в месяц, служители-мужчины — не меньше 15 руб. На пищу им отпускалось 46 коп. в день, на одежду — 40 руб. в год. Пособия получали и семьи тех, кто служил в армии¹⁷. На очередном прошении прислуги со штампом

13 мая Е. П. Ковалевский не без раздражения написал: «Надо собрать справки и выяснить это заявление, никак не могу в нем разобраться. Ведь младшим служащим уже отпущены 1½ миллиона, и ... 800 000 руб., а учащим еще ничего»¹⁸.

Воспитатели, преподаватели и врачи прибавок так и не получили. Сведений об экономических требованиях персонала воспитательных домов найти не удалось, но его настроение примерно известно. 10 мая Е. П. Ковалевский получил анонимное письмо из Петрограда от «группы учительниц» младших классов. Авторы напоминали комиссару, что первой его обязанностью должна была стать «забота о быте служащих», что и было сделано по отношению к прислуге, из «добрых побуждений... или из особых чувств перед чернью, нам неведомо». Преподаватели же обойдены процентными военными надбавками. Анонимы требовали восстановления прав и в случае невыполнения требований пригрозили: «Придется при всем нежелании и нам прибегнуть к тем же способам, которыми осуществляются законные права». «В чем дело?» — пометил комиссар на анонимке¹⁹.

9 июня совет делегатов Петроградского дома заслушал представление «от фельдшерниц и учителей, служащих по воспитательному дому и происходящих из питомцев дома, о их желании собраться вместе и обсудить их нужды и требования, единогласно постановил присоединиться к их просьбе и просить ... разрешить съезд... в Петрограде». Правление дома нашло его проведение «весьма желательным» для выяснения «всех накопившихся нужд учащего в сельских школах дома и фельдшерского персонала». Собраться можно было в Петрограде или в Павловске. Требовалось 1400 руб. с учетом ограниченного «вознаграждения за службу» делегатов съезда. Представление два месяца ходило по кабинетам, и 24 августа главное управление признало съезд «несвоевременным и не имеющим общественного и государственного значения»²⁰.

Над воспитательными домами летом 1917 г. нависла и проблема эвакуации. Проекты эвакуации Петрограда и его учреждений были сообщены министру государственного призрения князю Д. И. Шаховскому 28 мая. 3 июня в состав комитета по подготовке плана эвакуации были включены чиновники министерства. 7 июля в списке учреждений, эвакуируемых в Москву, появился воспитательный дом. 3 октября в дом был доставлен циркуляр министерства о порядке обеспечения местами в пассажирских поездах семейств государственных служащих «в связи с разгрузкой Петрограда вследствие производственных затруднений»²¹.

В конце августа осложнилась обстановка в западных округах Петроградского дома. 23 августа псковский врач донес правлению, что в Пскове «по случаю взятия Риги началась паника, и ... необходимо озаботиться эвакуацией больных лазарета, а равно и питомцев округа, так как... с прекращением подвоза продуктов в Псков может оказаться, что больные и безместные питомцы будут обречены на голодовку». Вывести его предлагали в Угловский лазарет, где больных почти не было. В случае необходимости планировалось эвакуировать и Новосельский лазарет, его собирались перевести в Плюсу²².

Таким образом, 1917 г. обострил многие проблемы воспитательных домов, привел к неизбежному их реформированию в первые годы советской власти и показал основные направления реформ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934. Л. 10, 12, 18, 27 — 29, 45, 50, 68.
2. РГИА. Ф. 759. Оп. 67. Д. 108. Л. 95 — 95 об.
3. Там же. Оп. 27. Д. 2227. Л. 62.
4. Там же. Л. 94 — 95 об.

5. Там же. Оп. 46. Д. 3775. Л. 2 об. — 5 об., 14 — 15.
6. Там же. Оп. 67. Д. 114. Л. 1 — 11. Там же. Л.
7. Там же. Л. 18 — 20.
8. Там же. Д. 180. Л. 1 — 7.
9. Там же. Д. 234. Л. 1 — 2 об.
10. Там же. Д. 210. Л. 1 — 6.
11. Там же. Оп. 27. Д. 2324. Л. 1 — 8.
12. Там же. Д. 187. Л. 1 — 4.
13. Там же. Д. 216. Л. 1 — 18.
14. Там же. Оп. 27. Д. 2357. Л. 7 — 8 об.
15. Там же. Л. 9 — 13.
16. Там же. Оп. 46. Д. 3960. Л. 165 — 166.
17. ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 930. Л. 62, 80, 88, 140.
18. РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 3960. Л. 101.
19. Там же. Л. 102 — 103 об.
20. Там же. Оп. 67. Д. 205. Л. 2 — 4.
21. Там же. Оп. 27. Д. 2350. Л. 1, 2, 21; ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. 934. Л. 82 — 83 об.
22. РГИА. Ф. 759. Оп. 67. Д. 217. Л. 1 — 2.